Таниэль Ло

Sub rosa

Таниэль Ло
Sub rosa

https://litres.ru/74754364
SelfPub; 2026

Аннотация

Клэр очнулась в роскошной спальне закрытой академии «Сент-Огастин».

Без памяти, в чужом платье и с чужими часами на запястье. Внизу тело наследницы. Все уверены: она либо убийца, либо идеальная подмена. Но в доме, где тайное общество «Роза ветров» хранит чужие грехи, никто не говорит правды. Чтобы выжить, Клэр придётся вспомнить, кем она была. И понять, откуда мёртвая девушка знала её имя.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Таниэль Ло
Sub rosa

Пролог

Сент-Огастин, восточное крыло. Лекционный зал. За три дня до.

Профессор Эшфорд говорил о тайне так, будто она была женщиной, которую он когда-то любил и потерял. Для человека, не державшего в руках ничего тяжелее книги, пафоса многовато.

— Sub rosa, — произнёс он, и латынь легла на дубовую панель ещё одним слоем лака. — «Под розой». Роза не символ. Роза — архитектура. Тайна держится на трёх опорах: на молчании, на доверии и на страхе. Уберите одну, и конструкция рухнет. Уберите все три, и вы получите историю, которую мы разберём сегодня.

За окнами моросил холодный осенний дождь. Свечи в канделябрах зажигали даже днём, «для атмосферы». Тени двигались, хотя окна были закрыты. Дом дышал. Никто не замечал. Кроме, может быть, портрета в библиотеке, чьи глаза, казалось, следили за каждым в зале. Но портреты не смотрят. Они просто висят.

— Возьмём Платона, — продолжал Эшфорд. — «Благо-

родная ложь». Миф о металлах, который правители рассказывают подданным, чтобы те приняли своё место. Платон называет это лекарством. Я называю это первым в истории примером того, как знание превращается в оружие. Вопрос: существует ли «благородная ложь»? Или любая тайна есть насилие над тем, кто её не знает?

В зале стояла академическая тишина: все делают вид, что думают, а на самом деле ждут, кто первым рискнёт ответить.

Ханна подняла руку. Она сидела в третьем ряду у прохода, на позиции для тех, кто хочет, чтобы их видели, но не хочет оказаться в центре. Светлые волосы уложены с тщательной небрежностью, которая стоит дороже любой причёски. На запястье серебряный браслет с розой и ключом. Она никогда его не снимала. Даже когда это было небезопасно. Особенно когда это было небезопасно.

— Ханна, — кивнул Эшфорд. — Слушаем.

Она встала. Не по правилам. Ей хотелось, чтобы её видели стоящей. Голос звенел уверенно: деньги и привычка быть самой умной в комнате дают такую уверенность.

— Благородная ложь существует, — сказала она. — И она необходима. Общество не может функционировать без иерархии. Без тайны. Без тех, кто знает больше, и тех, кто знает меньше. Платон был прав: некоторым людям нужно рассказывать истории, чтобы они делали свою работу и не задавали вопросов. — Она чуть повернула голову, и взгляд скользнул по задним рядам, туда, где сидела Элис. — «Роза

ветров» не просто общество. Это институт. Он существует дольше некоторых государств. И держится именно на этом принципе: на благородной лжи. На тех, кто знает, и тех, кто верит.

Она сказала это, и зал замер. Не от правоты. От того, что она вслух назвала общество, о котором не говорили, здесь, в лекционном зале, при посторонних, при тех, кто не был «под розой». Это было хуже нарушения этикета. Это было желание показать, что она знает больше, чем ей позволено.

Элис не пошевелилась. Она сидела в последнем ряду у стены, в кресле с высокой спинкой. В тени она чувствовала себя естественно и не старалась её выбирать. Простое тёмно-синее платье без украшений. О статусе говорил только тонкий серебряный браслет с розой и ключом; гравировку на нём мог прочитать лишь тот, кто знал, куда смотреть. Руки лежали на подлокотниках спокойно. Бледное лицо, острые скулы, тёмные глаза. Сейчас они смотрели на Ханну холодно и внимательно. Так смотрят на человека, который только что допустил ошибку, но ещё не понял, насколько серьёзную.

— Интересно, — сказала Элис.

Голос тихий, но плотный: он заставлял замолчать даже тех, кто не слушал. Она не встала и не повысила голос. Просто произнесла слово, и зал повернулся к ней, как стрелка компаса.

— Ханна, — продолжила Элис, и в её тоне не было ни злости, ни тепла. Только холодная точность, которая режет

хуже ножа. — Ты только что назвала «Розу ветров» институтом, который держится на благородной лжи. Ты сравнила нас с Платоном. Ты сказала «он держится» о нашем институте с видом человека, который внутри. — Она сделала паузу. Пауза вышла длиннее, чем требовал этикет. — Но ты не внутри, Ханна. Ты никогда не была внутри. И, боюсь, твоё выступление только что объяснило всем присутствующим, почему.

Зал ахнул. Тихо, шёпотом, но ахнул. Кто-то за спиной Элис нервно хихикнул и тут же замолчал. Профессор Эшфорд поднял бровь, но не вмешался. Он был из тех преподавателей, которые считают студенческие конфликты «образовательными».

Ханна побледнела. Браслет звякнул: она дёрнула рукой, хотела спрятать запястье и вовремя остановилась. Поздно. Все уже видели, как серебро блеснуло в свете свечей.

— Я не… — начала она. Голос дрогнул. — Я не говорила, что я внутри. Я говорила о принципе. О философии. Ты что, не слышала?

— Я слышала каждое слово, — сказала Элис. — И каждое слово было попыткой доказать, что ты понимаешь нас лучше, чем мы сами. Что ты можешь говорить от нашего имени. Что ты одна из нас. — Она чуть наклонила голову, и тёмные глаза сузились. — Ты не одна из нас, Ханна. Ты гостья. И гостья, которая пытается учить хозяев, как вести дом, выглядит не умной. Она выглядит нетерпеливой.

Ханна открыла рот и закрыла. Лицо пошло пятнами от

ярости. Пальцы сжались в кулаки; было видно, как она борется с желанием сказать то, что нельзя будет взять обратно.

— Нетерпеливой, — повторила она. Голос стал тише, но в нём появилась горечь человека, которого только что унизили при всех. — Это ты называешь нетерпеливостью? Я два года пытаюсь попасть в круг. Два года. Я предлагала деньги. Связи. Молчание. Я делала всё, что вы просили. И каждый раз мне говорили: «Не сейчас, Ханна. Подожди, Ханна. Ты ещё не готова, Ханна». — Она шагнула вперёд, и голос сорвался на полушёпот. — А теперь ты говоришь, что я выгляжу нетерпеливой? Да я, может, единственная здесь, кто хоть чего-то хочет по-настоящему!

Тишина стала полной. Дождь за окном, казалось, на миг перестал стучать. Профессор Эшфорд двинулся было вмешаться, но Элис подняла руку, коротко и незаметно, и он замер.

Элис встала. Она была невысокой, но когда поднималась, пространство вокруг менялось: воздух плотнел, свет становился резче, люди тише. Она не спешила. Поправила складку платья и подошла к краю ряда, медленно и спокойно, остановилась в двух шагах от Ханны. Не близко. Достаточно, чтобы Ханна почувствовала разницу в росте, которую нельзя измерить в сантиметрах.

— Ты хочешь по-настоящему, — сказала Элис. Голос был тихим, нежным до ласки. — Я знаю. Я видела, как ты хочешь. Как стоишь у дверей библиотеки, когда мы собираем-

ся. Как подслушиваешь под дверью кабинета. Как пытаешься купить браслет у ювелира в городе, копию, потому что настоящий тебе не дали. — Она сделала паузу, и губы тронула едва заметная улыбка. — Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь, Ханна. Это моя работа. Знать. И то, что я знаю, говорит мне: ты не хочешь быть одной из нас. Ты хочешь быть нами. Занять наше место. И это, — она чуть наклонила голову, — совсем другое желание.

Ханна стояла, и лицо менялось. Ярость уходила, оставляя расчёт.

— Значит, вот как, — сказала она тихо. — Ты знаешь обо мне больше, чем я думаю. Ты следишь за мной. Ты держишь меня снаружи, но не отпускаешь. Ты… — она усмехнулась, и эта усмешка была хуже слёз, — ты боишься меня, Элис. Боишься, что если я войду, то окажусь лучше тебя. Умнее. Сильнее. Что круг выберет меня, а не тебя. Что твоя власть — это просто… привычка. Старая привычка, которая держится на том, что никто не задаёт вопросов.

Она сказала это, и зал замер во второй раз. Тишина стала другой: испуганной. Ханна только что сказала вслух то, о чём думали многие. И то, за что можно было поплатиться.

Элис не изменилась в лице. Только глаза стали темнее, как вода в глубоком колодце, когда туда падает свет.

— Ты права, — сказала она. — Я боюсь. Не тебя, Ханна. Боюсь того, что случится с этим домом, если такие, как ты, получат власть. Те, кто хочет, но не понимает. Кто видит

круг и не видит цены. Кто думает, что тайна — украшение. — Она шагнула ближе; голос упал до шёпота, который слышала только Ханна. — Ты хочешь знать, почему тебе отказывают? Дело не в уме. Не в деньгах и связях. Ты не умеешь молчать. Стоишь здесь, в зале, и рассказываешь всем, кто ты, чего хочешь и на что готова. Называешь нас по имени. Показываешь браслет, фальшивый, но показываешь. — Она сделала паузу. — «Под розой» значит, что никто не узнает. Ты не умеешь быть под розой, Ханна. Умеешь быть только на сцене. Нам не нужны актёры. Нужны те, кто умеет молчать.

Она отступила, развернулась и пошла к креслу спокойно, не спеша. Так уходят после лекции, а не после того, как уничтожили человека.

Ханна стояла посреди зала. Руки дрожали. Фальшивый браслет блестел на запястье, и всё это видели. Все видели, как она пытается сказать и не может. Как губы шевелятся, а из горла не выходит ни звука. Как она стоит одна в центре, и весь зал смотрит на неё с жалостью, которая бывает хуже ненависти.

Профессор Эшфорд деликатно кашлянул.

— Полагаю, дискуссия… исчерпана, — сказал он, и его голос звучал виновато. — Перейдём к следующему вопросу. Кто-нибудь ещё хочет высказаться о природе благородной лжи?

Никто не хотел.

Ханна медленно села. Лицо бледное, но не растерянное,

собранное. Так выглядит человек, который только что потерял нечто важное и уже думает, как вернуть это. Или как отомстить. На Элис она не смотрела. Смотрела прямо перед собой, на профессора, и в глазах стояли холод, терпение и опасность.

Лекция закончилась. Студенты поднимались, шуршали тетрадями, перешёптывались. Ханна вышла первой быстрым шагом, не оглядываясь. Браслет задел дверную ручку. Короткий звон в тишине прозвучал как удар.

Элис осталась сидеть. К ней подошёл Люк, тёмноволосый, с ровной осанкой человека, привыкшего наблюдать. Он тихо сказал ей на ухо. Она кивнула. Не улыбнулась.

Потом, когда зал опустел, она повернулась к окну, к ливню и чёрным ветвям дуба, и произнесла, ни к кому не обращаясь:

— Она не остановится.

Люк проследил за её взглядом.

— Ханна?

— Она не остановится, — повторила Элис. — И я не знаю, кто из нас заплатит за это первым.

Она сказала это тихо. Так тихо, что расслышал только Люк. Но он запомнил. Это было первое настоящее предчувствие, первое облако на горизонте, первая тень бури, которая через три дня обрушится на «Сент-Огастин» и унесёт не только жизнь, но и всё, что казалось незыблемым: репутации, тайны, старую жизнь академии и всех, кто оказался

рядом.

Дом дышал. Где-то в его глубине, в библиотеке, в подвале, в потайных ходах, уже начиналось то, чего никто из присутствующих ещё не видел.

Sub rosa. Под розой. Никто не узнает.

Глава 1

Я проснулась не в своей постели. Голова гудела, во рту оставался сухой металлический привкус, язык казался чужим. Первая мысль: воды. Вторая: я не знаю, где я. Сквозь слипшиеся ресницы я увидела потолок с лепниной. Пальцы мелко дрожали, когда я коснулась простыни: холодной, накрахмаленной, чужой. За окном дождь хлестал по стеклу так яростно, будто хотел выбить раму. Я лежала на огромной кровати в незнакомой роскошной спальне, где ар-деко странно соседствовало с готикой, и от запаха чужих духов, сладковато-приторных, меня замутило. Это был не мой запах. Не моя комната. Не моя жизнь. Я не знала, где я. Попыталась восстановить хоть что-то и наткнулась на глухую стену. Пустоту. Будто кто-то взял и вырезал кусок меня, аккуратно, как страницу из книги.

На стене напротив висела гравюра: компас с розой в центре, обвитый терновником. Внизу подпись на латыни: «Sub rosa», «под розой», то есть в тайне. Я не знала, откуда знаю перевод. Словно кто-то произнёс это у самого уха детским голосом: «Под розой — значит, никто не узнает. Даже взрослые». Я вздрогнула. И тут же вспышка, короткая, как удар тока: тёмная комната, свечи на полу, чьи-то руки передают чашу. Меня там нет. Я смотрю откуда-то из-за двери. Мне нельзя. Я знаю, что мне нельзя. Но я всё равно смотрю.

Взрослые не должны знать, что я вижу. Я умею быть тихой. Видение исчезло, но на секунду мне показалось, что в углу комнаты, где стояли свечи, мелькнула тень девочки с длинными волосами, которая поднесла палец к губам. Я моргнула — и тень растворилась в полумраке. Должно быть, игра света.

На тумбочке лежала карточка с золотым тиснением, плотная, с краями, потемневшими от времени: «Сент-Огастин. Правила для гостей. 1. Не выходить после полуночи. 2. Не входить в западное крыло без приглашения. 3. Не спрашивать о Розе ветров». Третье правило было подчёркнуто от руки. На мне было элегантное чёрное платье, которого у меня никогда не было. На запястье — чужие дорогие часы. Дверь в комнату была приоткрыта. Доносился запах кофе и тревожный шёпот.

Внезапно из глубины дома раздался оглушительный, пронзительный женский крик. Я замерла, вцепившись в одеяло. И в этой тишине дом будто наклонился в мою сторону. Дверь спальни, приоткрытая ровно настолько, чтобы пропустить полоску света, медленно отворилась ещё на ладонь. Скрип был тихий, тягучий, как вздох. Тень от бра на стене легла под углом, указывая на лестницу. Половица под ковром отозвалась коротким щелчком. Не там, где я стояла. Дальше по коридору, будто кто-то прошёл и остановился, чтобы я услышала.

Крик оборвался, и тишина стала ещё страшнее.

Я хотела закричать сама, чтобы услышать свой голос, чтобы убедиться, что я ещё здесь, что я не растворилась в этом чужом доме. Из горла вырвался только хрип. Я вжалась в подушку. Я хотела встать, но ноги не слушались, будто приросли к кровати. Я прижала ладонь к губам, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

Через несколько секунд в коридоре послышались быстрые шаги и голоса:

— Боже, что это было?!

— Кто кричал? Вызовите кого-нибудь!

— Где Элис? Кто видел Элис?

Меня накрыла волна опустошённости. Кто я? Попытка схватиться за мысль натыкалась на плотный, непроглядный туман. С усилием я выловила из него только имя: Клэр. Всё остальное словно было стёрто начисто. Ощущение чужой одежды на коже, чужих часов на запястье — это были теперь единственные «якоря» в реальности, которая трещала по швам. И ещё это чувство в груди, липкое, тяжёлое. Чувство, что я уже была здесь. Что этот дом меня знает. И что я знаю его. Только память об этом заперта где-то очень глубоко, и ключ потерян.

Шаги приближались, резкие и чёткие. В дверном проёме появился парень лет двадцати. Строгая рубашка с расстёгнутым воротом, тёмные волосы, зачёсанные назад и открывающие высокий лоб, тонкие губы сжаты в напряжённую линию. В плечах сдержанная собранность человека, привык-

шего взвешивать каждое слово. От него пахло дорогим одеколоном с ноткой сандала, и этот запах странно контрастировал с запахом страха, который уже начал пропитывать дом. В руке он держал бокал с водой, явно не для себя.

— Ты пришла в себя. И вовремя.

Его голос был низким, ровным; так говорят не с испуганной девушкой, а с коллегой, которого проверяют. Я поймала себя на мысли, что рядом с ним спокойно.

— Я Люк. Аспирант, ассистент кафедры философии. Мы все здесь заперты. — Он сделал паузу, будто подбирая слова. — «Сент-Огастин» не просто академия. Это родовое поместье, переданное под закрытый гуманитарный колледж: философия, искусствоведение, медицина, журналистика. Здесь читают лекции, спорят о Камю, пишут курсовые о подделках и токсикологии. Восточное крыло - аудитории и общие залы. Западное - частные апартаменты семьи. Дом и академия одно целое. И да, — он чуть приподнял бровь, — наш девиз «Sapere aude». Осмелься знать. Ирония в том, что сегодня никто не знает, что происходит.

— Я отлучался за помощью, — быстро добавил он… — Врача тут не найдёшь. Но Артур, студент-медик, уже внизу. Он ждёт нас.

За его спиной мелькнула женская фигура в униформе горничной, бледная, как полотно. Её пальцы побелели, впиваясь в косяк двери, а широко раскрытые глаза часто моргали, будто она пыталась проснуться от кошмара. Она стояла, чуть

подавшись вперёд, и в её позе была та настороженность, с которой пугливое животное прислушивается к шагам хищника.

Из глубины дома донёсся приглушённый мужской окрик:

— Не входите в библиотеку! Никого не пускать!

Начался далёкий, хаотичный гул голосов. Я медленно поднялась с кровати. В голове крутился один вопрос: «Что происходит?»

Люк сделал шаг в сторону, давая мне пространство.

— Ты была без сознания. Дыхание ровное, пульс нормальный. — Он слегка покачал головой, и его взгляд на мгновение задержался на моём запястье. — Никто из присутствующих не признаётся, что привёл тебя. Мария, ты что-нибудь знаешь?

Горничная робко выглянула из-за спины Люка.

— Мисс… — она сглотнула комок в горле. — Я комнату к приезду готовила. А вас… вас тут не было. Честное слово! И часы эти… — Она оборвала себя, испуганно оглянувшись на Люка.

Снизу донёсся нарастающий шум: спор, прерываемый резкими командами. Послышался властный мужской голос:

— Я сказал, ждать! Никому не покидать главный холл! Все туда!

Люк перевёл взгляд с меня на коридор, и его лицо стало напряжённым.

— Похоже, собирают всех. Тебе придётся спуститься.

Или… у тебя есть другой вариант?

Он не двигался с места, ожидая моего решения.

— Сейчас важнее всего держаться вместе и не поддаваться панике. Хотя, — он бросил взгляд в сторону лестницы, откуда доносился гул, — это будет непросто.

Я прижала пальцы к вискам. Что здесь, чёрт возьми, творится? И почему этот Люк смотрит на меня так, будто уже знает ответ?

Мария кивнула, её глаза были полны сочувствия и собственного страха.

— Мисс… Если что… я тут. Хоть я и сама не понимаю, что происходит. — Она оглянулась по сторонам. — Элис… она перед вечером была такая странная. Всё спрашивала, когда и кто приедет. Будто ждала кого-то. И про ключ ещё говорила. Я не поняла… — Мария понизила голос до едва слышного шёпота: — А ещё… она сказала, что «Роза ветров» сегодня соберётся в полном составе. И что «дело будет закрыто». Я не знаю, что это значит. Но когда она это сказала, у неё были такие глаза… будто она шла на бой, который не надеялась пережить.

Она замолчала, услышав тяжёлые, уверенные шаги на лестнице.

В дверном проёме появился ещё один парень. Высокий, широкоплечий, в тёмной водолазке. Квадратное лицо с тяжёлой челюстью, коротко стриженные светлые волосы топорщились ёжиком. Он двигался экономно, будто каждое дви-

жение было рассчитано, и от него пахло пылью и старым лаком. Его руки были сцеплены за спиной, но в напряжении плеч читалась готовность вмешаться. Осанка выдавала дисциплину, а взгляд мгновенно просканировал комнату: меня, Люка, Марию

.— Всех вниз. Немедленно. — Его голос не терпел возражений. — Связи нет. Декан в отъезде. А по внутреннему протоколу академии до прибытия попечителей мы обязаны «не выносить сор из избы». — Он поморщился. — Нелепый пункт устава. Но он есть.

Его глаза остановились на мне.

— Ты. Как себя чувствуешь? Можешь идти? — В его тоне не было ни тепла, только холодная деловитость. Он явно видел во мне ещё одну переменную в уравнении, которое нужно было контролировать.

Снизу донёсся взволнованный голос:— В библиотеке! Она в библиотеке! Боже, это ужасно…

Послышался звук разбитого стекла и чьи-то сдавленные рыдания. Воздух в академии, пропитанный роскошью, старым деревом и чужими секретами, теперь казался густым и тяжёлым, как сироп. Я ещё не знала, что это место умеет хранить тайны лучше людей. И что одна из этих тайн я.

— Я могу идти, — сказала я, с трудом вставая на ноги. Голова слегка закружилась.

Парень кивнул коротко и резко, его взгляд скользнул по моему лицу, будто сверяя мои слова с моим состоянием.

— В гостиную. Там уже собрались остальные. — Он отступил в коридор, освобождая путь; его осанка была напряжена, собранность читалась в каждом мускуле. — Не отходи от группы. И… — Его взгляд на мгновение задержался на моём платье и часах. — Будь готова к вопросам. Ты здесь — неизвестная величина.

Люк, пропуская меня вперёд, шёл рядом. Его голос звучал тихо, только для меня:

— Грег отвечает за студенческий распорядок. Человек жёсткий, но, кажется, единственный, кто не потерял голову. Пока что. — Он сделал паузу, пока мы шли по длинному коридору с тёмными картинами. — В холле будут все: студенты, персонал.

Мария шла позади, её шагов почти не было слышно. Она что-то бормотала себе под нос, обрывки фраз: «…часы… она говорила про часы… ключ…»

Спускаясь по широкой лестнице в холл, я увидела следы хаоса: опрокинутую вазу, разбитую хрустальную пепельницу, скомканную дамскую перчатку. Из приоткрытой двери слева, ведущей в гостиную, доносился гул встревоженных голосов. Где-то в глубине дома тяжёлые часы начали отбивать время — глухо, словно из-под земли. Я не считала удары; от этого звука по спине всё равно пробежал холодок. До полуночи оставалось ещё достаточно времени, но мне казалось, что я уже нарушила все правила этого дома.

Прямо перед нами, в конце коридора, виднелась массив-

ная дубовая дверь — библиотека. У двери стоял молодой парень в тёмном сюртуке младшего распорядителя, бледный, с широко открытыми глазами. Он смотрел прямо перед собой, не обращая на нас внимания. А чуть в стороне, у входа в гостиную, второй парень, помладше, в таком же сюртуке — бережно вёл под локоть бледную, трясущуюся светловолосую девушку. Она всхлипывала, закрыв лицо руками, и её плечи дёргались.

— Она там… в библиотеке… я нашла её… — бормотала девушка, и голос срывался. — Я просто хотела поговорить… а она…

Молодой человек, мягко, но настойчиво увлекая её в гостиную, бросил через плечо Грегу:

— Я с ней. Присмотрю.

Дверь в библиотеку была приоткрыта и мы отчетливо увидели ужасающую картину: на дорогом восточном ковре лежала девушка в бордовом платье. Верхняя часть лица была скрыта тяжёлым старинным фолиантом с металлическими уголками. Рядом валялся опрокинутый бокал, а у головы расползалось тёмное пятно.

Грег мгновенно заслонил проход.

Я прислонилась к стене. Всего на секунду. Ноги не держали. В горле стоял ком. Я смотрела на свои руки — они дрожали. Мелко, противно. Я сжала их в кулаки, потом разжала. Вдох. Выдох. Ещё раз.

— Входите в гостиную. — лицо Грега было непроница-

емо. — Не пытайтесь никуда выходить. У дверей дежурят двое младших распорядителей. Коул и Джейк. Стипендиаты, которых я курирую. Больше у меня нет. До утра никто не приедет.

— Что здесь происходит и как я здесь оказалась? — вырвалось у меня резче, чем я хотела. Голос сорвался на хрип. Я сама услышала, как это прозвучало: не вопрос, а требование. Может, это и к лучшему. Может, если я буду злиться, я не буду бояться.

Грег замер на пороге, медленно повернул голову ко мне. Его взгляд как лезвие скальпеля: холодный, точный, лишённый всякого сочувствия.

— Обстановка не до конца ясна. В библиотеке найдено тело. Предположительно, Элис. Признаки насильственной смерти. — Он говорил сухо, отчеканивая каждое слово, как доклад. — Как ты здесь оказалась — вопрос, который задаст себе каждый в этой комнате. У тебя нет приглашения. Тебя никто не знает. Ты найдена в бессознательном состоянии в чужой одежде. — Он сделал короткую паузу, его глаза сузились. — До утра полиции не будет. Но вопросы будут те же. Готовь ответы. Моя задача — чтобы никто не паниковал и ничего не трогал. Остальное не ко мне.

Я стиснула зубы. Взрослые — или те, кто считает себя взрослыми, — всегда думают, что могут просто отдавать приказы. Но я не собиралась быть послушной пешкой. Не в этот раз. Не в этом доме.

— Я не гостья, — сказала я вслух, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я не просилась сюда. И я не собираюсь отвечать на вопросы, пока не пойму, что происходит.

Он отступил, пропуская меня внутрь, но продолжал стоять у двери, блокируя выход.

Я вошла.

Просторный зал, наполненный тревожным шёпотом и приглушёнными рыданиями. Хрусталь и зеркала отражали бледные, испуганные лица, мрамор отдавал холодом. Меня заметили. Все взгляды обратились ко мне. Шёпот стих.

Глава 2

Тишину разорвала та самая высокая светловолосая девушка, что недавно всхлипывала у входа в гостиную. Её вечернее платье сидело слишком идеально, а скомканный платок в её пальцах выглядел реквизитом. Голос звонкий, чуть надтреснутый, сразу заполнил зал:

— Ну наконец-то. Находка вечера почтила нас своим присутствием. — Она промокнула глаза, которые были сухими. — Скажи, милочка, тебе удобно в чужом платье?

Она говорила для зала, а не для меня. Каждое слово летело в мою сторону, но так, чтобы зрители видели траекторию.

— Ханна, — коротко сказал Грег, не повышая голоса.

Ханна. Значит, её зовут Ханна. Я запомнила.

— Что? Кто-то должен спросить. — Она повела плечом. — Я, между прочим, тоже не в восторге. — Она обвела рукой холл, будто извиняясь за беспорядок, который устроил кто-то другой. — И, кстати, я не понимаю, почему мы все должны стоять и ждать, пока эта… — пауза, взгляд с головы до ног, — пока она соизволит объясниться.

У дверей она на миг задержала взгляд на молодом распорядителе. Тот смотрел в стену, и её подбородок поднялся выше.

Я почувствовала, как во мне поднимается злость, холодная и расчётливая. Эта девушка играла. Играла так уверен-

но, что ей верили.

— Дочь одного из попечителей, — тихо сказал Люк, наклонившись ко мне так, чтобы слышала только я. — Привыкла, что ей всё можно. — Он помолчал. — Она давно добивается места в «Розе ветров». Ей отказывают. Думаю, это её задевает сильнее, чем она показывает.

Я посмотрела на Ханну внимательнее. Красивая. Ухоженная. Из тех, кто умеет носить и платье, и обиду. И сейчас она смотрела на меня так, будто я заняла её место: на сцене, в центре внимания, в этом доме. Может, и правда заняла.

Я не знала никого из них. По крайней мере, так мне казалось: память снова отзывалась только туманом.

В стороне, у камина, стоял парень с тёмными волнистыми волосами и острыми скулами, в безупречном костюме, который сидел на нём чуть небрежнее, чем требовал этикет. Он слегка опирался на каминную полку, и в его позе была та расслабленная уверенность, которая бывает у людей, привыкших, что мир вращается вокруг них. В одной руке он лениво крутил бокал с коньяком, а на полке перед ним лежал раскрытый блокнот: наброски, пометки, даты, обведённые нервной линией. Пальцы у него были испачканы графитом. Время от времени он машинально касался внутреннего кармана пиджака — коротким, проверочным движением, будто там лежало что-то хрупкое. Он смотрел на меня так, как смотрят на спорный холст: изучающе, недоверчиво, будто пытаясь угадать подпись. На его левом запястье — тонкий сереб-

ряный браслет с гравировкой розы и ключа.

— Мэтью, — тихо сказал Люк, проследив мой взгляд. — Художественный факультет, староста курса. С Элис у них давняя и сложная история.

И ещё одно: на левом запястье Ханны, когда она поправляла платок, блеснул точно такой же браслет. Серебряный, с розой и ключом. Только гравировка была чуть грубее, а ключ — чуть крупнее. Я не успела рассмотреть как следует: Ханна одёрнула рукав и спрятала запястье за спину. Слишком быстро. Слишком заметно. Будто она забыла, что он на ней, и вспомнила только сейчас.

Рядом с Мэтью стоял другой парень. Очки, интеллигентное, но сейчас очень растерянное лицо, светлые, немного растрёпанные волосы. Стёкла он то и дело поправлял нервным движением. Его пальцы, тонкие и длинные, выдавали привычку к точной работе. От него пахло спиртом и мятой: запах врача, только что вышедшего из ординаторской. Артур — тот, кого Люк назвал медиком

У стены стоял пожилой, невозмутимый дворецкий. Он был прямой, как струна, в безупречном фраке. Седые волосы аккуратно зачёсаны, на лице застыло выражение профессионального равнодушия, но в глазах, глубоко посаженных, таилось что-то настороженное. Его руки, сухие и жилистые, были сложены перед собой.

У дверей, ведущих в холл, стоял тот самый молодой человек в форме младшего распорядителя. Он стоял так, буд-

то дверь была не дверью, а линией, которую он не позволит переступить. Не широкая спина, не поза охранника — просто собранность, застёгнутая на все пуговицы. Руки у пояса, пальцы длинные, с обкусанной кожей у ногтей; на левой костяшке старый шрам, тонкий, как трещина на чашке. Лицо слишком серьёзное, и от этой серьёзности мне вдруг захотелось сделать что-то глупое — например, спросить, когда он в последний раз спал. Он пах дождём, пылью и дешёвым мылом. Я поймала себя на том, что запоминаю запах, и разозлилась. Он не вмешивался в разговор, но его внимательный взгляд следил за всеми, и в напряжённой позе чувствовалась готовность действовать.

Когда Ханна бросила своё «находка вечера почтила нас своим присутствием», я на секунду встретилась глазами с ним. Он смотрел не как все. Без жалости, без подозрения, без любопытства. Просто смотрел, ровно и внимательно, будто пытался понять, что я за человек, прежде чем решить, как ко мне относиться. Я не отвела взгляд. Он тоже. А потом он моргнул и отвернулся к двери, к своей линии, которую не позволит переступить, и я почувствовала странное, неуместное разочарование.

Все они здесь. Все под подозрением. Все свидетели. Все смотрели на меня. Чужую.

Мой взгляд, скользящий по залу в поисках укрытия, заметил высокое кресло у стены, немного в стороне от основной группы. Оно стояло рядом с небольшим столиком, на кото-

ром были забытый бокал и пепельница.

Пожилой мужчина в безупречном фраке, стоявший неподвижно у стены, сделал почти незаметное движение. Он поймал мой взгляд, кивнул с ледяной вежливостью и жестом указал на свободное кресло. Его лицо было маской профессионального равнодушия, но в глазах мелькнула тень чего-то похожего на понимание. Или на предупреждение. Я не поняла. И это пугало больше всего.

— Вот видите, — тут же подхватила Ханна, снова повышая голос, будто только и ждала, что кто-то обратит на неё внимание. — Грег прав. Мы все жертвы обстоятельств. — Она провела рукой по платью, и я снова заметила, как её пальцы скользнули к запястью, проверяя, на месте ли браслет. — А что до вопросов к… гостье, — Ханна чуть склонила голову, — я бы начала с того, откуда у неё вещи Элис. Эти часы я видела на Элис. Вчера. — Она произнесла это с удовольствием, смакуя.

— Ханна, — снова сказал Грег, и на этот раз в его голосе была сталь. — Ты была наверху. Во сколько ты спустилась?

— Сразу. Я же сказала. — Она моргнула. — Ну, может, через минуту. Я… я испугалась, ясно? — Браслет звякнул, когда она скрестила руки. — И вообще, какая разница?

— Разница есть, — тихо сказал Люк, и я вздрогнула: он стоял близко, его голос прозвучал у самого моего плеча.

Ханна бросила на него быстрый взгляд и снова повернулась к залу, но я уже видела: она поняла, что сказала лишнее.

Я чувствовала себя актрисой в трагедии, где роль написана кем-то другим, а я даже не знаю текста. И самое страшное: я не была уверена, что выйду с этой сцены живой.

Я хотела встать и уйти. Просто встать — и выйти за дверь, в дождь, куда угодно. Но ноги были ватными, а под рёбрами росла злая, отчаянная мысль: если я сейчас встану, они решат, что я бегу. Если останусь — решат, что я боюсь.

Я стиснула зубы так, что заныла челюсть. Пусть смотрят. Пусть примеряют. Я не дам им увидеть, как мне страшно. Это было единственное, что я могла им не отдать.

Я добралась до кресла и опустилась в него. Мягкая бархатная обивка показалась невероятно твёрдой. Или это меня колотило так, что я не чувствовала мягкости. Пальцы вцепились в подлокотники, побелели костяшки. Моё чёрное платье сливалось с тенью, и от этого казалось, что я растворяюсь, исчезаю. А может, это было бы не так уж плохо. Взгляды всех присутствующих давили на меня, как физическая тяжесть. Я сглотнула, но комок в горле остался. Не плачь. Не смей плакать. Они не должны видеть, что ты боишься. Но слёзы уже щипали глаза, и я моргала чаще, чем нужно, чтобы они не потекли по щекам. И тут же, из ниоткуда, волна злости. Такой острой, что она почти перебила страх. Какого чёрта? Кто дал им право так на меня смотреть? Я не просила сюда приезжать. Я не просила надевать это платье. Я вообще ничего не просила. Но они смотрят так, будто это я во всём виновата. Будто это я и есть проблема. Ну уж нет. Я сжала

зубы так, что заныла челюсть. Пусть смотрят. Я не сломаюсь у них на глазах.

Справившись с собой, я осмотрелась. Со своего места я видела всех.

Грег стоял у выхода, как часовой.

Люк, прислонившийся к пианино, наблюдал за происходящим с холодноватым интересом. Его поза была слишком расслабленной для человека, только что узнавшего об убийстве. Он либо привык к таким сценам, либо знал больше, чем показывал.

Мэтью, стоявший у камина, наконец оторвал взгляд от своих записей и посмотрел прямо на меня. Жадно, без испуга. Так, будто я уже была текстом. Заголовком. Первой полосой.

Ханна негромко, но отчётливо произнесла, так, чтобы услышали все:

— Смотрите, она садится. Как будто в театре. У неё нервы железные. — Пауза. — Или она просто знает, что мы ничего не сможем сделать. — Она снова подняла платок к лицу, и сквозь кружево мне показалось, что она улыбается. — Интересно, правда?

Я села. Ноги дрожали, но спина осталась прямой — назло. Я чувствовала на себе взгляд Ханны, липкий, внимательный, и понимала: она не просто пытается меня задеть. Она хочет, чтобы все видели во мне чужую. Пока все смотрят на меня, никто не смотрит на неё. И это самое умное, что она сделала

за весь вечер.

В комнате повисла тягостная пауза, прерываемая лишь тиканьем огромных напольных часов в углу и сдавленными всхлипами одной из девушек.

Артур не выдержал. Он отошёл от камина и, игнорируя предостерегающий взгляд Грега, подошёл ко мне на несколько шагов. Его голос был тихим, профессиональным, но с дрожью напряжения:

— Извини… Меня зовут Артур. Я на последнем курсе медицинского. Ты… как твое самочувствие? Головокружение, тошнота? — Его взгляд сосредоточился на моих глазах, на цвете кожи. Он видел во мне прежде всего пациента в шоковом состоянии, и это пока было его единственной ролью. — Тебе плохо? Может, воды? — Его голос дрогнул, и я поняла, что он сам еле держится.

Его пальцы на мгновение коснулись моего запястья, там, где часы. Проверял пульс. Или просто хотел почувствовать, что я живая? Я не отстранилась, его близость почему-то успокаивала.

Или — эта мысль пришла позже, когда я уже знала больше, — он хотел почувствовать, что она живая. Не я. Она. Элис. Потому что часы были её. И платье было её. И, может быть, в его глазах я была не собой. Я была ею.

— Я очнулась примерно полчаса назад, — медленно сказала я, сдерживая истерику. — С жуткой головной болью. Я не помню, кто я и как я здесь оказалась. Не помню ничего. —

В голове был белый шум. Не пустота, а именно шум, будто кто-то включил помехи на полную громкость. Я попыталась вспомнить хоть что-то: лицо матери, свою комнату, дорогу сюда. И наткнулась на этот шум. Он был плотный, липкий, как вата. — Я в компании незнакомых мне людей, которые смотрят на меня зверем. В месте, которое я вижу первый раз. И я, блин, не понимаю, что происходит. — К концу монолога мой голос взмыл вверх, но я заметила это, остановилась и начала глубоко дышать, контролируя себя. Меня трясло. Мелкая дрожь пробегала по рукам. В горле стоял ком.

Артур быстро сделал шаг вперёд, его профессиональная маска треснула, обнажая искреннюю тревогу. Он опустился на одно колено рядом с моим креслом, чтобы быть на одном уровне, его голос стал мягче, но сохранил чёткость.

— Шок. Диссоциативная амнезия на фоне стресса. Вполне вероятно. — Он говорил это скорее для себя и окружающих, чем для меня: устанавливал медицинский факт. — Тебе не нужно пытаться вспомнить сейчас силой. Это только усугубит. Сосредоточься на дыхании. Ты в относительной безопасности. — Последнюю фразу он произнёс с лёгкой неуверенностью, бросив быстрый взгляд на дверь.

Моя вспышка, сдержанная, но от этого ещё более пронзительная, ударила по залу, как электрический разряд.

Ханна чуть повернула голову, и её голос прозвучал чуть громче, чем требовалось, так, чтобы услышали все:

— Боже, — протянула она, ни к кому не обращаясь. —

Она и правда ничего не помнит? Или просто очень хорошо играет?

Она произнесла это с той особой интонацией, когда сочувствие на поверхности скрывает совсем другое: холодное, оценивающее. Её пальцы, унизанные кольцами, теребили край платка, но в этом движении не было нервозности. Только расчёт: пауза, взгляд в сторону, лёгкий наклон головы. Всё было отработано. Она ждала реакции зала. И, судя по тому, как некоторые переглянулись, дождалась.

Я поймала её взгляд на секунду. В нём не было страха. Только любопытство и что-то ещё, похожее на удовлетворение. Будто она только что нашла удобную позицию для атаки.

Мэтью поставил бокал на каминную полку. Его усмешка исчезла, взгляд стал пристальным, аналитическим. Он перестал писать и замер, пальцы сжали карандаш. В глазах загорелся азарт. Он оценивал мою истерику на подлинность. Встал и сделал несколько шагов в мою сторону, но остановился на почтительном расстоянии, блокируемый немым, но грозным взглядом Грега.

— Мэтью. — Голос Грега был ровным, но в нём слышалась сталь.

Мэтью сжимал карандаш так, что казалось, тот вот-вот сломается.

— Ничего не помнишь? Совсем? — Его голос был резковатым, настойчивым. — Ни лица, кто тебя пригласил? Ни

разговора? А часы на твоей руке? Ты их узнаёшь? — Он ткнул карандашом в направлении моего запястья. Его вопросы сыпались как град, без сочувствия, только с целью добычи информации.

Тихий, ровный голос дворецкого раздался у меня за спиной. Я не видела, как он подошёл.

— Мисс Элис получила анонимную корзину орхидей и записку вчера днём. После прочтения она была… возбуждена. Сказала, что ждёт особого гостя. — Дворецкий сделал паузу, его взгляд скользнул по залу. — Мисс Элис, несмотря на возраст, управляла домом как полноправная хозяйка. Так распорядился траст её отца. Декан в отъезде. Поэтому сегодня вечером хозяйка здесь она.

Я не смотрела никому в глаза, только на точку на противоположной стене.

— Вообще мне ни о чём не говорит. Я… кто я? Я… — Мой голос снова сорвался, по щекам тихо потекли слёзы.

Я замолчала, чувствуя, как краска стыда заливает лицо. Я только что вывалила свои эмоции перед незнакомыми людьми, и теперь они смотрели на меня кто с жалостью, кто с подозрением. Мне хотелось сжаться в комок, исчезнуть, провалиться сквозь этот мраморный пол. Но вместо этого я выпрямилась и подняла подбородок. Если они хотят видеть во мне жертву, пусть смотрят. Я не сломаюсь. По крайней мере, не здесь.

Артур сжал губы, его профессиональное спокойствие да-

ло трещину. Он достал из внутреннего кармана пиджака чистый носовой платок — не одноразовый, не из пачки, а настоящий, с вышитой монограммой на уголке — и молча протянул его мне. Монограмма была не его. «Э.В.». Элис Вейл. Я узнала буквы раньше, чем поняла, что это значит. Его жест был обезличен, но в нём было больше человечности, чем во всех взглядах в этой комнате. Его пальцы на мгновение коснулись моих, и это прикосновение было неожиданно тёплым. Я подняла на него глаза. В его взгляде было столько искреннего участия, что мне захотелось поверить ему. И тут же холодная мысль, острая, как стекло: нельзя. Нельзя доверять никому. Даже тому, кто кажется добрым. Особенно тому, кто кажется добрым. Я видела, как люди улыбаются, прежде чем ударить. Не помню откуда, но видела. Помню это чувство. И всё равно его пальцы были тёплыми. И всё равно я не отстранилась.

— Не форсируй. — Его голос стал тише, почти шёпотом, только для меня. — Твоя психика пытается защититься от невыносимого. Сопротивляться сейчас всё равно что пытаться остановить лавину. Дыши. Просто дыши.

Он вдруг нахмурился и взял меня за запястье, осторожно повернув руку. Я проследила за его взглядом: на коже, там, где металл часов касался руки, алела тонкая царапина, незаметная, но, видимо, свежая.

— Ты поранилась, — сказал он тихо. — Возможно, когда падала. Дай я обработаю. — Он достал из кармана малень-

кий антисептический пластырь. Его движения были быстрыми и точными, как у человека, привыкшего иметь дело с чужими ранами. Я вздрогнула, когда холодный раствор коснулся кожи, но не от боли, а от неожиданной близости. Он был так близко, что я слышала, как он дышит. Ровно, спокойно, как будто мы были не в комнате с убийцей, а где-то в тихом кабинете, и он просто заклеивал мне порез после неудачного опыта на практикуме. На секунду мне захотелось прижаться к его плечу. Просто чтобы почувствовать, что хоть что-то в этом мире ещё держит форму. Я не сделала этого. Но и не отодвинулась.

— Готово, — сказал он, поднимая глаза. Наши взгляды встретились, и на мгновение мне показалось, что в этом хаосе есть кто-то, кто видит во мне не улику и не загадку, а просто человека.

— Спасибо, — прошептала я.

Он отошёл на шаг, но не отвернулся. Стоял, глядя на меня так, будто хотел что-то сказать, и не находил слов. Я заметила, как он сжал и разжал пальцы, будто боролся с желанием снова коснуться.

Светловолосая девушка, Ханна, окончательно перестала изображать истерику. Она смотрела на меня с преувеличенным, почти болезненным сочувствием, и в этом сочувствии было столько же искренности, сколько в её сухом платке.

— Бедная душа… — вырвалось у неё шёпотом, но так, чтобы услышали все. Она покачала головой, и в её глазах

блеснули слёзы, настоящие или очень хорошо сыгранные. — Вот так вот: приходишь в чужой дом, и никто тебе не рад. Никто не поможет. — Она бросила быстрый взгляд на Артура, который всё ещё стоял рядом со мной, и её губы тронула едва заметная усмешка. — Ну, почти никто.

Я почувствовала, как мои пальцы сжали платок, который дал Артур. Ханна играла, и её сочувствие было оружием. Она не жалела меня. Она показывала всем, какая она добрая и как хорошо умеет жалеть. И заодно то, что я, жалкая, нуждаюсь в её жалости.

Мэтью отвёл взгляд к камину. Его лицо стало задумчивым. Аналитик в нём столкнулся с чем-то неудобным, не вписывающимся в схемы. Он прикусил кончик карандаша, но не задал новых вопросов. Начал яростно строчить что-то в блокноте, время от времени бросая на меня быстрые, цепкие взгляды. Он записывал всё, каждую деталь. И я вдруг подумала: а что если он записывает не просто так? Что если это его способ всё контролировать? Превращать хаос в текст. Делать из людей персонажей. Давать им роли, чтобы не бояться.

— Элис… — его голос стал хриплым, будто разбитым, — …в последнее время боялась. Говорила о старых грехах, которые нашли её. Об ошибке, которую она совершила в юности и которую так и не сумела исправить. И о «свидетеле», который должен был прийти. — Он наконец поднял на меня глаза. В них не было обвинения. Только глубокая усталость и

странная, горькая ясность. — Ты носишь её часы. Те самые, которые она надела вчера вечером.

Дворецкий кивнул, подтверждая его слова.

— Совершенно верно, сэр. Часы «Патэк Филипп». Подарок на восемнадцатилетие. Мисс Элис почти никогда их не снимала. И… — он сделал паузу, в его голосе впервые проскользнула неуверенность, — …платье. Это тоже из её гардероба. Вечернее, новое. Никем не надетое.

Грег у двери, до сих пор неподвижный, медленно повернул голову.

— Значит, сцена подготовлена. — Его голос резал тишину, как нож. — Кто-то привёл тебя сюда, одел в её вещи. Чтобы ты стала живой уликой. Или живой мишенью. — Он посмотрел прямо на меня, и в его взгляде теперь был не только холодный расчёт, но и тень чего-то похожего на… уважение к жертве, попавшей в жернова. — Кто-то в этой комнате знает, кто ты. Или… зачем ты здесь.

Глава 3

Я стиснула подлокотники кресла. Живая улика. Живая мишень. Как будто я была вещью, а не человеком. Взрослые всегда так делают: превращают тебя в проблему, которую нужно решить, или в инструмент, который можно использовать. Я ненавидела это чувство. Оно было старым, как мир, и от него сводило зубы. И я поклялась себе, что не позволю им решать за меня. Даже если я ничего не помню, я ещё не сдалась. Я ещё здесь. И я ещё не сказала своего последнего слова.

— Чушь, — резко сказала Ханна, и её голос резанул тишину. Она шагнула вперёд, отбросив скомканный платок на столик, будто он вдруг стал ей не нужен. — Мы что, в дешёвом романе?

Она обвела зал взглядом, и в её глазах не было ни капли того испуга, который она демонстрировала минуту назад. Только расчёт. Холодный, быстрый, цепкий.

— Грег, — она повернулась к нему, и в её голосе появились повелительные нотки, — Может, хватит? Пока эта… — она кивнула в мою сторону, даже не глядя на меня, — пока она сидит здесь и строит из себя жертву, настоящий убийца, может, уже придумывает, как выкрутиться.

— Ханна, — начал Грег, но она не дала ему договорить.

— Что «Ханна»? Я дело говорю. — Она развернулась к

остальным, ища поддержки. — Мы все хотим знать, что произошло. Но пока мы будем разбираться в её амнезии, — она произнесла это слово с презрением, будто сомневалась, что оно вообще существует, — время уходит. Я предлагаю простое решение: запереть её в комнате до утра. Под охраной. И тогда все спокойно дождёмся полиции.

— Это… — Артур растерянно поправил очки, — это негуманно. Она в шоке.

— Она в шоке? — Ханна усмехнулась. — А мы нет? Нас тут заперли с трупом, связи нет, мост, может, уже смыло. И ты предлагаешь нам нянчиться с незнакомкой, которая неизвестно откуда взялась в чужом платье? — Она снова повернулась ко мне, и теперь её взгляд стал прямым, холодным. — Без обид, милочка. Но ты здесь единственная, кто не может подтвердить свое алиби.

Я почувствовала, как мои пальцы сжали подлокотники. Она играла на страхе. Громко, уверенно, с расчётом на то, что остальные подхватят. И самое противное: часть присутствующих действительно заколебалась.

— Ханна, — сказал Люк, и в его голосе не было холода. Только усталое раздражение. — Ты предлагаешь запереть человека, который сам стал жертвой. Ты понимаешь, как это звучит?

— Я предлагаю запереть человека, который может быть опасен, — отрезала она. — Это разные вещи. И, кстати, — она вдруг улыбнулась, и эта улыбка была хуже любой грима-

сы, — если она такая невинная, чего она так вцепилась в эти часы?

Я не сразу поняла, что она имеет в виду. А когда поняла, увидела, что мои пальцы действительно лежат на циферблате, прикрывая его, будто я защищала часы. Или будто они были моей единственной связью с чем-то реальным.

Ханна заметила это раньше меня. И использовала.

— Вот, — сказала она удовлетворённо. — Даже сейчас она их не снимает. Может, потому что знает: они её единственный пропуск в этот дом?

Её рука скользнула к собственному запястью, проверяя, на месте ли браслет. Я заметила это движение, потому что ждала его. Слишком быстро. Слишком нервно. И браслет блеснул из-под кружева: серебряный, с розой и ключом. Ханна тут же одёрнула рукав, но было поздно. Я уже видела.

— Хватит, — сказал Грег. На этот раз в его голосе звучала тяжёлая усталость. — Никто никого не запирает. Мы все остаёмся здесь. Вместе. — Он посмотрел на Ханну, и его взгляд был холоднее обычного.

Ханна фыркнула, но отступила. Её лицо осталось надменным, но в глазах мелькнула обида. Или страх, который она прятала за всей этой бравадой.

Я смотрела на неё и думала: она не просто боится. Она боится, что кто-то заметит, как сильно она боится. И этот браслет, который она так старательно прячет, не просто украшение. Это знак, который связывает её с «Розой ветров». И с

Элис. И, возможно, с тем, что произошло сегодня вечером.

Воздух в зале сгустился. Взгляды, которые только что были полны подозрения, теперь стали сложнее: в них замешались страх, расчёт и леденящее душу понимание, что игра только начинается, а я её центральная, непрочитанная фигура.

— Чудесно, — сказала я саркастично, глядя на каждого из присутствующих. — То есть… кто-то из вас знает, кто я, и молчит, да?

Мой полный вызова вопрос повис в воздухе, словно удар хлыста. Тишина стала абсолютной, нарушаемой лишь тиканьем часов. Неожиданно для всех в окно ударила яркая вспышка молнии, тут же раскаты грома сотрясли стены. Ветви старого дуба за окном заметались, как чёрные пальцы, царапая стекло. Будто дом открыл все поры и впустил в себя бурю. Пламя свечей в канделябрах задрожало, и тени на стенах заплясали, оживляя портреты давно умерших людей на стенах. Где-то наверху хлопнула дверь, и по лестнице прокатился глухой скрип половиц. Особняк скрипел, как старый корабль, попавший в шторм. И мне вдруг показалось, что он скрипит не от ветра. А от того, что внутри.

Грег резко отвернулся от меня к окну, его лицо исказила гримаса ярости и догадки.

— Проклятье. Мост через овраг — единственная дорога к нам. При таком ливне его может размыть за полчаса. Или он уже размыт. — Он повернулся к залу, его голос стал ко-

мандным. — Связь! У кого есть связь? Подайте сигнал!

В комнате вспыхнул хаос. Мэтью первым схватился за карман, затем побледнел.

— Телефон… Он был в пиджаке.

Ханна, в отличие от остальных, не стала шарить по карманам с паникой. Она достала телефон из клатча медленно, почти демонстративно, и посмотрела на экран. Её лицо не дрогнуло. Только губы сжались в тонкую линию.

— Нет сети, — сказала она ровно, и это прозвучало спокойно. — Ни у кого нет сети. — Она подняла глаза, и в них не было истерики. Только холодная, злая решимость. — Значит, мы отрезаны. И это не случайность.

Она убрала телефон обратно в клатч, аккуратно, будто это был не сотовый, а оружие, которое она пока решила не пускать в ход. И в этом жесте было больше угрозы, чем в любых слезах. Ханна не паниковала. Ханна просчитывала.

Артур проверил свой аппарат и мрачно кивнул, подтверждая.

Люк не шевелился. Его молчание было красноречивее слов.

— Подавитель. Или глушилка. Профессиональная работа, — произнёс он холодно, глядя на Грега. — Мы отрезаны. Слишком быстро и гладко.

Я посмотрела на Люка: на его спокойное лицо, на то, как ровно он держит руки. Аспирант-философ. Почему он не удивился? Почему он вообще не выглядит испуганным? В

этой комнате каждый играл свою роль, и я начинала подозревать, что роль Люка была далеко не второстепенной. Он был удобным. Как человек, который заранее знал, что дверь закроется. И подготовился.

Мэтью медленно выдохнул.

— Значит, полиция не спешит. Или не может. У нас… есть время. — Его взгляд скользнул по лицам в комнате, останавливаясь на мне. — Чтобы разобраться.

Дворецкий невозмутимо сообщил:

— Стационарный телефон в кабинете декана молчит. Линия мертва.

Мэтью, не обращая внимания на панику, подошёл ко мне ближе. Его лицо при вспышках молнии казалось высеченным из камня.

— Ты спросила, кто знает. — Его голос был низким, проникающим сквозь шум дождя. — Я не знаю, кто ты. Но я знаю, почему тебя выбрали. — Он указал подбородком на моё платье, на часы. — Ты… — он запнулся, будто слово не шло с языка. — Ты слишком похожа. Не только лицом. Тем, как держишься. Кто-то хотел, чтобы ты на какое-то время стала ею. Или чтобы тебя нашли вместо неё. В её прошлом было много… тёмных страниц. И людей, желавших ей зла. Некоторые из них… возможно, здесь.

На мгновение мне показалось, что я вижу вспышку. Только не молнию. Что-то внутри. Тёмная комната. Свечи на полу. Кто-то передаёт чашу. Кто-то стоит у стены, не входит

в круг. Я знаю этого человека. Я не знаю, откуда, но знаю. Лица не видно. Только руки. И на запястье тонкий браслет. Роза и ключ. Вспышка погасла. Я осталась в кресле, с колотящимся сердцем и солёным привкусом на губах.

Холодная волна понимания накрывала меня. Двойник. Я здесь не просто так. И тот, кто это сделал, всё ещё в этой комнате. Я обвела взглядом лица: испуганные, подозрительные, расчётливые. Кто из вас? Кто привёл меня сюда? И зачем?

Грег вернул себе контроль и снова занял позицию у двери.

— План меняется. Никто не выходит из этой комнаты. Никто не остаётся один. — Его взгляд буравил каждого по очереди. — Особенно ты, — он посмотрел на меня. — Ты теперь не просто свидетель. Ты часть плана. И тот, кто этот план придумал, сейчас смотрит на нас и ждёт своего часа. А ливень… — он бросил взгляд в чёрное, залитое водой окно, — …лишь создаёт идеальные условия для следующего шага.

Тишина снова опустилась на зал, но теперь она была другой: напряжённой, звенящей, полной недоверия и скрытой угрозы. Мы отрезаны от мира. Среди этих людей либо убийца, либо сообщник, либо следующая жертва. И все они теперь смотрели не только на меня, но и друг на друга, переоценивая каждое слово, каждый взгляд. Меня использовали. Как вещь. Как куклу в чужой игре. И самое паршивое: я даже не знала, кто я. Злость поднималась изнутри, и я стиснула кулаки, чтобы не закричать. Я не позволю им решать за меня. Даже если я никто, я не буду пешкой.

Шторм бушевал снаружи, и шторм начинался внутри.

— Или кто-то хотел, чтобы меня убили вместо Элис, да? — тихо сказала я.

Люк замер. В его глазах, словно в глубине старого колодца, отразилась вспышка молнии. Он кивнул, и этот кивок показался невероятно тяжёлым.

— Да. — Его голос был просто выдохом, поглощённым рёвом стихии за окном. — Самый простой способ избавиться от человека — подставить на его место другого. Особенно если этот другой — призрак без прошлого. Убийство могло случиться раньше. А твое пробуждение… — Он не договорил, но смысл повис в воздухе: …могло быть частью спектакля. Чтобы нашли тебя, «Элис», и дело было бы закрыто.

Эта мысль, высказанная вслух, изменила атмосферу в зале кардинально. Страх перед внешней угрозой превратился в леденящий ужас перед тем, кто находится среди нас.

Мэтью отступил на шаг, его лицо стало непроницаемой маской. Он достал из кармана серебряный портсигар, щёлкнул им, но не открыл. Это был нервный жест. Он смотрел на Люка, будто вычислял его следующий ход. Потом перестал писать. Его карандаш замер над блокнотом. Он смотрел на меня с новым, жутковатым интересом.

— Живая мишень, — пробормотал он себе под нос, и в его глазах загорелся азарт от этой чудовищной идеи.

Артур нахмурился. Он подошёл ко мне ещё на шаг, создавая некое подобие защитного барьера между мной и осталь-

ными.

— Это лишь теория, — сказал он, но в его голосе не было прежней уверенности.

Люк, всё ещё прислонившись к пианино, выпрямился. Его аналитический ум явно лихорадочно работал.

— Значит, сценарий мог быть таким: подменить, убить, подставить. Но план сорвался. Либо доза была рассчитана неправильно, либо… — Он не договорил, его взгляд скользнул по моему лицу. — …либо ты оказалась крепче, чем предполагалось.

Грег стоял как скала. Его руки были сцеплены за спиной, но по напряжению в плечах было видно, что он готов в любую секунду вмешаться.

— Это делает твое положение ещё более уязвимым, — сказал он прямо, глядя на меня. — Если цель была — твоя смерть, то план провалился лишь отчасти. Ты жива, но изолирована. И убийца всё ещё здесь. — Он медленно обвёл взглядом всех присутствующих. — И теперь у него может появиться новая цель: исправить ошибку. Или… использовать тебя иначе.

Свет внезапно мигнул и погас, погрузив зал в кромешную тьму, прорезаемую лишь слепящими вспышками молний. Через несколько секунд раздался треск, и загорелось аварийное освещение: тусклые бра на стенах, отбрасывающие длинные, пляшущие тени. Академия теперь походила на гигантский, зловещий лабиринт. В наступившей тишине

я услышала, как где-то наверху скрипнула половица. Медленно. Протяжно. Как будто кто-то шёл по коридору второго этажа. Я подняла глаза к потолку. Тени от бра заметались, и на мгновение мне показалось, что в углу, у самого потолка, мелькнула чья-то фигура. Всего секунда, и она растворилась в темноте. Но в висках уже стучало.

Из темноты в углу раздался новый голос: тихий, дрожащий, но ясный. Это была горничная Мария, которая молча наблюдала всё это время.

— Мисс... — Она сделала шаг вперёд, её лицо в полусвете казалось совсем юным и испуганным. — Вечером… я видела, как Элис спорила с кем-то в зимнем саду. Она говорила: «Он должен прийти. Он всё знает. Это моя единственная страховка». А потом… — Мария сглотнула, — потом она отдала мне ключ. Не от сейфа — от старой розовой шкатулки в кукольном домике на третьем этаже. Сказала: там её личная страховка. Код от сейфа она не называла. Ключ велела спрятать и никому не отдавать, даже если с ней что-то случится.

Она замолчала, и её слова повисли в наэлектризованном воздухе. «Страховка». «Он всё знает». «Ключ». Взгляды всех присутствующих обратились на дверь, ведущую в холл, где в библиотеке лежало тело и, возможно, находился этот самый сейф. Я вздрогнула, и перед глазами снова вспыхнуло видение: библиотека, свечи, Элис, бледная, с лихорадочно блестящими глазами, прячет что-то за портретом. Её руки дрожат, она оглядывается через плечо. «Страховка», —

шепчет она. И добавляет беззвучно: «Sub rosa». Под розой. Никто не узнает. Видение исчезло, оставив после себя горький привкус во рту и ноющую боль в висках.

Сценарий снова переписывался. Я не мишень и не двойник. Я, возможно, часть ключа к разгадке, которую Элис приготовила перед смертью. И теперь этот ключ ищет убийца.

— Но… — я продолжала рассуждать вслух, — если настоящая Элис мертва, то цель преступника достигнута? Или есть преступник, который хотел убить Элис, а есть второй человек, который хотел, чтобы убили вместо неё меня?

Люк оторвался от пианино. Его голос, холодный и чёткий, разрезал натянутую тишину, как проволока.

— Два заинтересованных лица. Логично. На семинаре я бы назвал это конфликтом двух воль: одна хочет уничтожить, другая — присвоить. Первый — тот, кто желал смерти Элис. Причина: ревность, месть, старый секрет, — он сделал едва заметную паузу, — или страх, что она заговорит. Второй — тот, кто знал о плане первого, или даже спровоцировал его, но желал исчезновения. Подмены. — Он сделал шаг вперёд, его тень от аварийного света легла на меня длинной полосой. — Cui bono? Кому выгодно? Старый вопрос, который почему-то забывают, когда начинают искать злодея в чёрном плаще. У нас тут не готический роман, а этическая задача.

Он говорил так, будто мы были на семинаре, а труп в биб-

лиотеке не имел значения. Слишком гладко. Слишком правильно. Я видела такие лица: они улыбаются, когда задают вопросы, и запоминают ответы, чтобы потом использовать. Он не боялся. Он коллекционировал.

Мэтью закрыл глаза на секунду, будто от физической боли.

— Её место в совете «Розы ветров»… её право голоса… — произнёс он с трудом. — По старому дополнению к уставу общества, если хозяйка «не способна распоряжаться собой», её голос и её место в круге переходят к тому, кто будет признан. Не к наследнику. К тому, кто сможет говорить от её имени. Об этом знали немногие. Мёртвая хозяйка означает долгие споры и раскол. А «больная», но живая… — Он посмотрел на меня, и в его взгляде теперь была не только печаль, но и леденящее осознание. — Это ключ к немедленному контролю над кругом. И над тем, что круг хранит.

Грег скрежетнул зубами. Его взгляд металлически скользнул по гостям.

— Значит, среди нас не обязательно убийца. Но точно есть тот, кто собирался получить выгоду от подмены. Кто знал о твоем существовании, вашем сходстве, и смог тебя доставить. И, возможно, — его взгляд стал убийственно острым, — кто сейчас крайне раздражён, что план пошёл вкривь. Ты не умерла, ты проснулась раньше времени, и теперь… — он сделал паузу, — …теперь ты задаёшь неудобные вопросы.

Мэтью наконец открыл портсигар, достал сигарету, но не закурил, лишь теребил её пальцами.

— Два мотива, — сказал он, и галерейная отстранённость в его голосе сейчас звучала жутковато. — Один хотел её смерти. Другой — её места. И второй, скорее всего, знал о первом. Или использовал его. Я не доверяю ни тому, ни другому. Особенно второму: он улыбается, когда лжёт. — Он посмотрел на меня. — Ты помеха для обоих. Для первого ты свидетель, которого он не планировал оставлять в живых. Для второго ты испорченная кукла, которая вышла из-под контроля.

— Теории, — фыркнула Ханна, и её голос резанул тишину. Она сидела на диване, выпрямившись, и в её позе не было ни капли испуга. — Красивые теории. Убийца, Кукольник, два мотива. Только мы всё это уже слышали — от него, — она кивнула на Мэтью, — и от него, — взгляд в сторону Люка. — А толку? Пока вы тут играете в семинар, время уходит.

Она повернулась ко мне, и её лицо смягчилось слишком быстро, слишком гладко. Так меняется выражение у человека, который привык, что ему верят.

— Милочка, — сказала она, и в её голосе появилась та особая, тягучая забота, от которой хочется отшатнуться. — Мы все хотим тебе помочь. Правда. Но давай начистоту: единственная, кто точно знает, зачем ты здесь, это ты сама. Даже если ты «ничего не помнишь». — Она изобразила кавычки пальцами и сделала паузу, давая залу осмыслить. —

Может, хватит уже этих теорий? Просто скажи, кто тебя послал. И мы все вздохнём спокойно.

Я почувствовала, как мои пальцы сжали подлокотники кресла. Это была не помощь. Это была публичная травля, мягкая, обёрнутая в сочувствие, но от этого только более унизительная. Она не спрашивала. Она предлагала всем присутствующим посмотреть на меня и решить: виновна ли я. И её «мы все хотим тебе помочь» звучало как «мы все уже решили, что ты виновата».

— Ханна, — сказал Артур, и в его голосе впервые появилась твёрдость, — она не «посланная». Она жертва. Мы это уже установили.

— Установили? — Ханна подняла бровь. — Кто установил? Ты? — Она усмехнулась. — Артур, милый, ты же врач, а не следователь. Твоё дело — пульс и пластыри. — Она снова повернулась ко мне, и её улыбка стала ещё мягче, ещё опаснее. — Я не обвиняю. Я просто спрашиваю. Потому что пока мы не услышим ответ, каждый из нас будет смотреть на тебя и думать: «А вдруг?»

Она произнесла это так, будто сожалела. Будто ей самой было тяжело задавать этот вопрос. И в этом «вдруг» было больше яда, чем в любом прямом обвинении.

— И, кстати, — добавила она, будто только что вспомнила, — если ты не помнишь, кто тебя послал, откуда ты знаешь, что тебя вообще кто-то посылал? Может, ты сама всё придумала?

Её рука снова скользнула к запястью, проверяя браслет. Она делала это уже который раз за вечер, и каждый раз её пальцы на мгновение замирали на серебре, будто она черпала там уверенность. Я заметила это движение, и меня осенило: она нервничала. Под всей этой бронёй она нервничала. И браслет был не украшением. Он был её якорем. Или её уликой.

— Ханна, — вмешался Грег, и в его голосе была та холодная сталь, которую я уже начала узнавать, — ты задаёшь вопросы, на которые сама не отвечаешь. Где ты была, когда Элис уходила в библиотеку?

Ханна замерла. Её улыбка дрогнула на долю секунды, но я увидела. Она быстро взяла себя в руки, но пауза уже была сказана.

— Я была наверху, — сказала она ровно. — Я же говорила. — И снова слишком быстро, слишком чётко. Как будто она репетировала этот ответ.

Я смотрела на неё и думала: она пытается меня задеть. И не только. Она пытается утопить меня в глазах зала, чтобы никто не посмотрел на неё. Пока все смотрят на меня, никто не спрашивает, где была Ханна. И что она прячет под рукавом.

Свет снова мигнул, и на мгновение комната погрузилась в полную тьму. В этот момент послышался чёткий, негромкий щелчок, будто щёлкнула защёлка двери или кейса. Когда аварийный свет вернулся, я заметила, что горничная Мария

отодвинулась в самый тёмный угол, а её лицо было залито слезами.

Дворецкий стоял на своём месте, но его взгляд теперь был прикован к Люку. Его обычно бесстрастное лицо исказилось… неожиданной тревогой?

Буря бушевала, академия стонала от ветра. Я сидела в центре этой паутины из страха, гордыни и лжи. У меня не было памяти, но у меня был инстинкт выживания и трезвый, цепкий ум, который уже начал раскручивать клубок. Все они это видели. И для кого-то в этой комнате я теперь была прямой угрозой.

— Или это один и тот же человек, — заключила я. — Или их двое. И они присутствуют здесь. — Я вздохнула. — Дамы и господа. У меня есть предложение… Я понимаю, что вы знакомы между собой, но я-то вас не знаю… Мы можем все сесть в кружочек и представиться? Если вас не затруднит?

Глава 4

Моё вежливое, нелепое в данной ситуации предложение повисло в воздухе, вызывая растерянность. Оно было настолько нормальным, так выбивалось из атмосферы смертельной угрозы, что на мгновение все замерли.

Артур первым выдал короткий, нервный выдох, похожий на смешок. Он посмотрел на меня с новым уважением.

— Это… на самом деле, рационально. При амнезии у пострадавшего важно восстановить чувство контроля и структуру. Да и нам не помешает. — Он кивнул, поддерживая меня.

Артур подошёл и сел на пуф рядом со мной, чуть ближе, чем требовалось. Я почувствовала тепло его руки и запах мятного антисептика.

— Если тебе станет плохо, — тихо сказал он, — просто сожми мою руку.

Я кивнула, не доверяя голосу. В этой комнате, полной врагов, его близость была единственным островком тепла. Я хотела отодвинуться. Но не отодвинулась. Он был единственным, кто не смотрел на меня как на улику. И это было опасно. Потому что доверие было роскошью, которую я не могла себе позволить. Но его тепло было как глоток воздуха. И я сделала вид, что не замечаю, как моя рука сама тянется к его руке.

Грег нахмурился, оценивая ситуацию. Угол его губ дёрнулся, то ли от неодобрения, то ли от смутного понимания.

— Контролируемый обмен информацией. Пока шторм не стих и мы отрезаны. Может выявить нестыковки. — Он резко кивнул. — В центр зала. Свет от бра падает лучше.

Люк поднял бровь. В его глазах мелькнула тень холодного любопытства. Он двинулся к центру, стащил со стула тяжёлый бархатный пуф и сел, демонстративно положив руки на колени.

— Начинайте с меня, если хотите. Люк. Ассистент кафедры философии. Знаком с Элис восемь лет: через работу в архиве «Розы ветров». Был приглашён на ужин для обсуждения статьи о символике компаса в гравюрах шестнадцатого века. Последний раз видел её живой около десяти вечера, когда она уходила в библиотеку «проверить один документ».

Десять вечера. Он сказал это слишком уверенно. Как будто репетировал. Как будто знал, что его спросят. Я не знала, почему это было важно, но в его ответе была фальшь. Слишком гладко.

Он откинулся, его взгляд скользнул по остальным, словно бросая вызов: «Ваша очередь».

Гости и слуги начали медленно, неохотно рассаживаться, образуя неровный круг в тусклом свете аварийных бра. Где-то наверху, в темноте, капала вода. Мерно, как метроном, отсчитывающий минуты до следующей беды. Холодные сквозняки гуляли по залу, касались моих плеч. Особняк дышал:

скрипел, стонал под порывами ветра, гудел водой в трубах. Он был живым. И он наблюдал.

Мэтью сел на стул, выпрямил брюки, положил блокнот на колени. Голос звучал ровно, с лёгкой отстранённостью:

— Мэтью. Студент художественного факультета, староста курса. С Элис связывали… давние и сложные отношения. Мы были близки. Потом всё закончилось — плохо. Искусство, ревность и... всякое. Приглашение получил лично: она хотела обсудить атрибуцию одной спорной картины из своей коллекции, спорной настолько, что от неё зависела её репутация в круге. Сказала, что есть информация, но только лицом к лицу. Последний раз говорил с ней около девяти. Она была нервной. Около десяти я мельком видел её на лестнице: она шла к библиотеке. Больше ничего.

Ханна не присела на краешек. Опустилась по-хозяйски, откинулась на спинку, обвела круг взглядом, проверяя, все ли смотрят. Её голос не дрожал. Звучал ровно, чуть протяжно, с ленивой уверенностью, которую дают деньги и привычка быть в центре внимания:

— Ханна. — Она сделала паузу, будто имя само по себе было репликой. — Мы с Элис были близки. Ближе, чем кто-либо в этом доме. — Её взгляд скользнул по Мэтью. — Она доверяла мне то, чего не доверяла другим.

— Тогда как звали её кота? — спросил Грег, не поднимая глаз.

Ханна моргнула.

— Кота?.. Я… я не запоминаю клички животных.

— У неё не было кота, — ровно сказал Грег. — Это была проверка.

Я заметила, как на этих словах Мэтью едва заметно приподнял бровь, а Люк чуть повернул голову.

Ханна вспыхнула. Не театрально, по-настоящему. Краска залила шею, пальцы сжали платок так, что кружево затрещало.

— Я знала, что у неё нет кота, — сказала она тихо. — Я просто… растерялась. Вы все смотрите на меня как на пустое место. Как будто я здесь только для того, чтобы вы могли показать, какие вы умные. — Она сглотнула. — Я два года учила устав «Розы ветров». Два года. Я знаю имена всех Хранителей с основания. Я знаю, какие вина подавали на последнем собрании. Я знаю больше, чем некоторые из вас, кто внутри. Но стоило мне один раз ошибиться — и всё. Я снова просто «дочь попечителя». Просто «та, которая хочет».

Ханна подняла подбородок.

— Знаете, что самое обидное? Я бы справилась лучше, чем вы думаете. Но мне даже не дали шанса попробовать.

Она продолжала, снова возвращая себе невозмутимость, не давая никому вставить ни слова:

— Последний год был тяжёлым. Ссоры. Недосказанность. Я была ей должна. Не деньги, другое. Обещание, которое не сдержала. Она никогда не просила вернуть долг, но я знала, что она помнит. Она всегда помнила. — Ханна вздохнула, и

этот вздох был красивым, отработанным. — Я приехала, чтобы помириться. Последний раз видела её в холле. Она что-то шептала с Уилсоном. Около десяти. Потом она исчезла.

— В холле? — переспросил Грег, и в его голосе не было ни тепла, ни холода, только точность. — Ты сказала, что была наверху, когда услышала крик. Потом спустилась и нашла тело. А до этого видела её в холле. В десять.

Улыбка осталась на месте, но глаза на секунду стали пустыми, будто она лихорадочно перебирала варианты.

— В холле, да. Или в зимнем саду. Я… я видела её в нескольких местах за вечер. — Она повела плечом, и в этом движении были раздражение и досада. — Какая разница? Я не в «Розе ветров», в конце концов.

Она сказала это и тут же замолчала. Резко, будто прикусила язык. В круге повисла пауза, и в этой паузе было слышно, как где-то наверху капает вода.Я смотрела на неё, и в голове щёлкало. Зачем упоминать общество в разговоре, где все и так знают, что оно существует? И почему она так быстро одёрнула рукав, будто проверяя, на месте ли браслет? Что-то здесь не сходилось и, кажется, Ханна это понимала.

— Но браслет у тебя есть, — сказала я вслух, и мой голос прозвучал неожиданно ровно.

Ханна повернулась ко мне. Её улыбка стала чуть тоньше.

— Что?

— Браслет. С розой и ключом. Я видела его на твоём запястье. И на запястье Мэтью. — Я кивнула в его сторону, не

отводя взгляда от Ханны. — Ты говоришь, что не в «Розе ветров». Но знак у тебя такой же.

Ханна усмехнулась коротко, зло, но всё ещё красиво. Подняла руку и демонстративно покрутила запястьем, показывая браслет всему залу.

— Это? Семейная вещь. У моей семьи есть связи с кругом. Давние. — Она произнесла это с нажимом на «давние», будто это всё объясняло. — Но это не значит, что я член общества. Есть разница между «знать» и «быть».

— И какая же разница? — тихо спросил Люк, и в его голосе была холодная вежливость, которая хуже любого обвинения.

Ханна бросила на него быстрый взгляд.

— Такая, что я не давала клятв. Не была на ритуалах. Не голосовала. — Она снова повернулась ко мне, и её глаза сузились. — А ты, милочка, задаёшь очень много вопросов для человека, который «ничего не помнит».

— А ты очень нервничаешь для человека, который «просто приехал мириться», — ответила я.

На секунду её лицо дрогнуло — не от злости, от чего-то более старого.

Она опустила взгляд на браслет и тихо, почти неслышно, добавила:

— Мой отец был попечителем. Он вёл дела с отцом Элис. Когда я была маленькой, он говорил: «Ханна, ты должна быть достойна места, которое я тебе куплю». Куплю. Не за-

служишь. Куплю. — Она усмехнулась, но усмешка вышла кривой. — А потом Элис сказала, что место в круге не покупается. И я впервые в жизни почувствовала, что не хочу быть достойной отцовских денег. Я хочу быть достойной себя. Только это оказалось сложнее.

Она снова подняла глаза, и в них была не только злость, но и упрямая, отчаянная обида девочки, которой всю жизнь говорили, что она недостаточно хороша.

— Ханна, ты сказала, что видела Элис в холле около десяти. Люк видел её у библиотеки в десять. Мэтью — на лестнице в десять. — Голос Грега был ровным, но в нём была окончательность, после которой спорить бесполезно. — Кто-то из вас ошибается. Или лжёт. — Он сделал паузу. — Мы вернёмся к этому.

Ханна откинулась на спинку дивана, скрестив руки. Она больше не улыбалась. В её глазах появилась злость. Злость человека, которого только что поймали на слове и который не привык, чтобы его ловили.

Артур поднял руку как примерный ученик, желающий ответить следующим. Его голос был спокойным, профессиональным:

— Артур. Студент-медик последнего курса. Пишу работу по психосоматике и токсикологии. Скучная тема, если не считать того, что токсикология сегодня стала слишком прикладной. Элис была моим… — он замолчал, и пауза вышла слишком длинной для человека, который привык говорить

точно и быстро. — …другом. Она позвонила сегодня днём, сказала, что плохо себя чувствует после укола витаминов, попросила приехать. Когда я прибыл, вечеринка уже началась. Осматривал её в кабинете в начале десятого. Жаловалась на головокружение.

Дворецкий, оставшийся стоять у стены, как столб, отвесил лёгкий поклон:

— Уилсон, дворецкий академии. Служу здесь двенадцать лет. Последнее задание от мисс Элис: проследить, чтобы её особый гость не остался без внимания. Кому именно она готовила встречу — не могу сказать.

Мария съёжилась на маленькой табуретке. Её голос был едва слышен:

— Мария. Я… я здесь всего полгода. Мисс Элис была строгой, но справедливой. Последнее, что она мне сказала… про ключ. И чтобы я молчала. А ещё… — она бросила испуганный взгляд на Мэтью, потом отвела глаза, — …я видела, как кто-то в тёмном плаще выходил из зимнего сада в парк, когда начался дождь. Было темно, лица не разглядела. Но на руке блеснуло серебро, тонкое, как браслет. С розой и ключом.

— А это Джейк, — вдруг сказала Ханна, небрежно кивнув в сторону парня у двери. — Он из младших распорядителей. Мы… раньше были вместе. Он хороший охранник, хотя и молчаливый. — Она чуть повернула запястье, и браслет блеснул. — И, кстати, Джейк, если ты не забыл: твоя сти-

пендия в этом году зависит от рекомендации попечительского совета. Моего отца в том числе. Так что присматривай за мной. И за собой.

Джейк не двинулся. Только пальцы на предплечье сжались, и ткань форменной куртки натянулась на костяшках. Он знал правила. Все стипендиаты знали. Их не били — их просто переставали замечать. А потом не продлевали контракт. А потом они исчезали из академии так же тихо, как и появлялись. Джейк не ответил, и она улыбнулась чуть шире. Он смотрел прямо перед собой, на дверь, будто там было что-то интереснее её слов.

А потом его взгляд скользнул по залу — и на секунду остановился на мне. Всего на секунду. Я увидела в нём не злость и не обиду. Усталость. Такую глубокую, что она была почти спокойной. Так смотрят люди, которых унижали столько раз, что это перестало быть событием.Я не отвела взгляд. Не знаю, зачем. Может, хотела показать, что вижу. Может, хотела, чтобы он знал, что кто-то видит.Он моргнул. Отвернулся. И его лицо снова стало маской — ровной, вежливой, непроницаемой. Но на секунду, всего на секунду, я увидела под ней кого-то другого. Мальчика, которого учили не показывать, что ему больно. И от этого внутри у меня что-то сжалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.